

САЛЬВА РУБИО ~ РИКАРД ЭФА

МОНЕ

По ту сторону холста

[Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа](#)

18+

Предисловие

Вклад Оскара Клода Моне в живопись настолько велик, что в наше время его образ неотделим от движения импрессионистов. Как любой революционер, он ставил под сомнение нормы и устои, которые правили живописью на протяжении многих веков. Моне не стремился как можно точнее изобразить реальность или представить ее идеализированную модель, как это делали академисты, — он хотел передать зрительное ощущение, пусть и в ущерб деталям. Для того чтобы писать впечатления, нужно учитывать только одно — восприятие: «Натура — это нечто вторичное. Я же хочу воспроизвести то, что между натурой и мной». Таким образом, импрессионизм обязан своим рождением глазу Моне. «Моне — это всего лишь глаз, но, бог мой, зато какой!» — говорил Поль Сезанн.

Перевороты не совершаются за день. Всю свою творческую жизнь, начиная с революционного подхода к методу работы («Что за абсурдная идея — писать на улице!») и заканчивая безразличием к нападкам критиков на Салон отверженных*, Моне оставался человеком, безоговорочно преданным атмосфере и свету. Поиски способа передать мгновение (к этому стремилось и новое тогда искусство фотографии) стали его образом жизни.

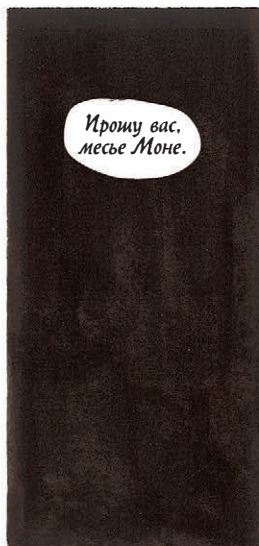
Сальва Рубио и Рикард Эфа показывают нам именно эту жизнь: непредсказуемость опытов, пробы и ошибки, размышления — все, что сделало Моне тем художником, которого мы знаем. Однако Рубио и Эфа представляют его работы в новом свете. Благодаря тонкой игре зеркал, в которой художник и его произведения становятся моделями, авторы предлагают нам проникнуть в то пространство, которое так любил Моне, — пространство между натурой и холстом. Благодаря этому мы становимся свидетелями рождения живописца.

Юг Галь,
ДИРЕКТОР ФОНДА КЛОДА МОНЕ
И ДОМА-МУЗЕЯ МОНЕ В ЖИВЕРНИ

* Выставка, параллельная официальной, на которой были представлены полотна и скульптуры, отвергнутые в 1860–1870-х годах жюри Парижского салона — одной из самых престижных художественных выставок Франции, официальной регулярной экспозиции парижской Академии изящных искусств.

*И против моей воли рефлексы запускают
непроизвольный процесс, который движет
мною в повседневной жизни. Я будто жи-
вотное, которое послушно крутит жернов.
Посочувствуйте мне, мой друг.*

Оскар Клод Моне

Знаете,
что забавно?

Помимо той сцены,
которую вы устроили
в кабинете доктора?

Однажды я рассказал Лиле
Кэбот Иерри, что хотел бы
родиться слепым, а затем
постепенно обрести зрение.

Тогда я бы начал писать
свет и цвета, не обращая
внимания на предметы, словно
вижу их впервые.

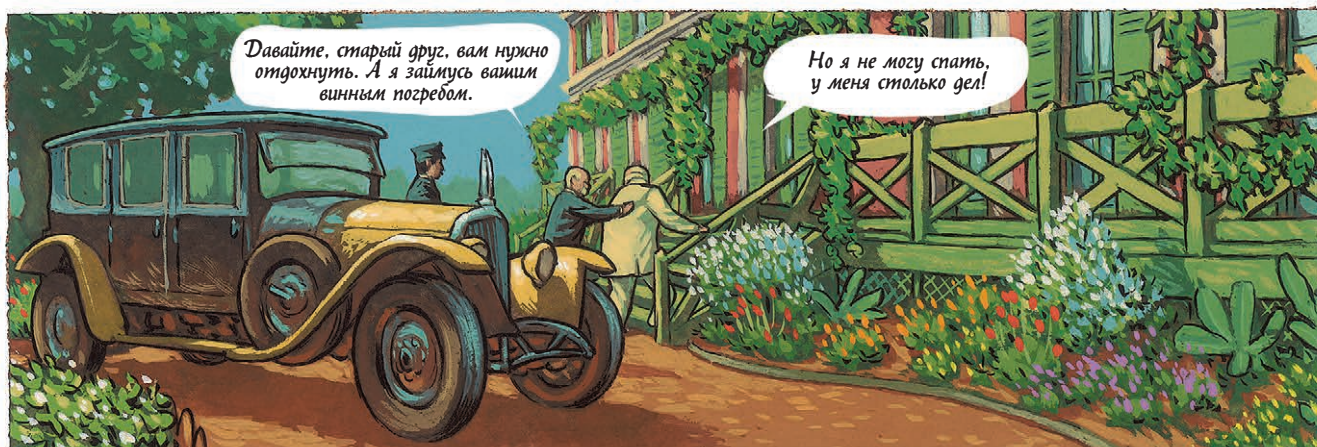

Осторожнее с желаниями,
мой друг.

Живерни, 1923

Так или иначе, вы давно нуждались
в операции. Двойная катаракта
мучает вас еще с 1912 года.

Давайте, старый друг, вам нужно отдохнуть. А я займусь вашим винным погребом.

Но я не могу спать, у меня столько дел!

Моя достопочтенная развалина! Как вы собираетесь писать, если ничего не видите?

А как же картины для Оранжерии*?

Они подождут. Вам нужен покой. Раз я смог справиться с целой страной, то и с вашим садом за эти три дня ничего не случится.

Но, Жорж...

Не надейтесь, что я буду с вами сюсюкаться!

А если зрение ко мне не вернется?

Моне, вы нерушимый колосс.

Что мне делать эти три дня, пока я ничего не вижу?

Вы можете увидеть то, для чего не нужны глаза. Подумайте об этом.

Но...

Клоп

Это сильнее меня.

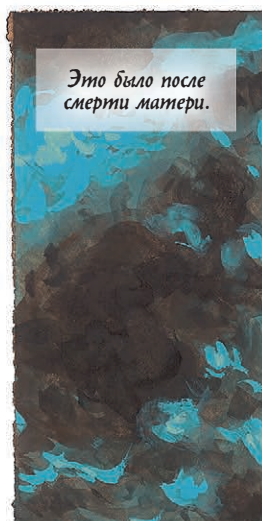

Я видел лишь какие-то неясные пятна, но они напомнили об одном событии моей жизни.

Первый раз, когда я был впечатлен тем, что могу видеть.

* Музей Оранжерии — картинная галерея в Париже.

Это было после смерти матери.

Все казалось странным.

Оскар!

Мне было так грустно, что я хотел просто гулять.

Оскар, пора в школу!

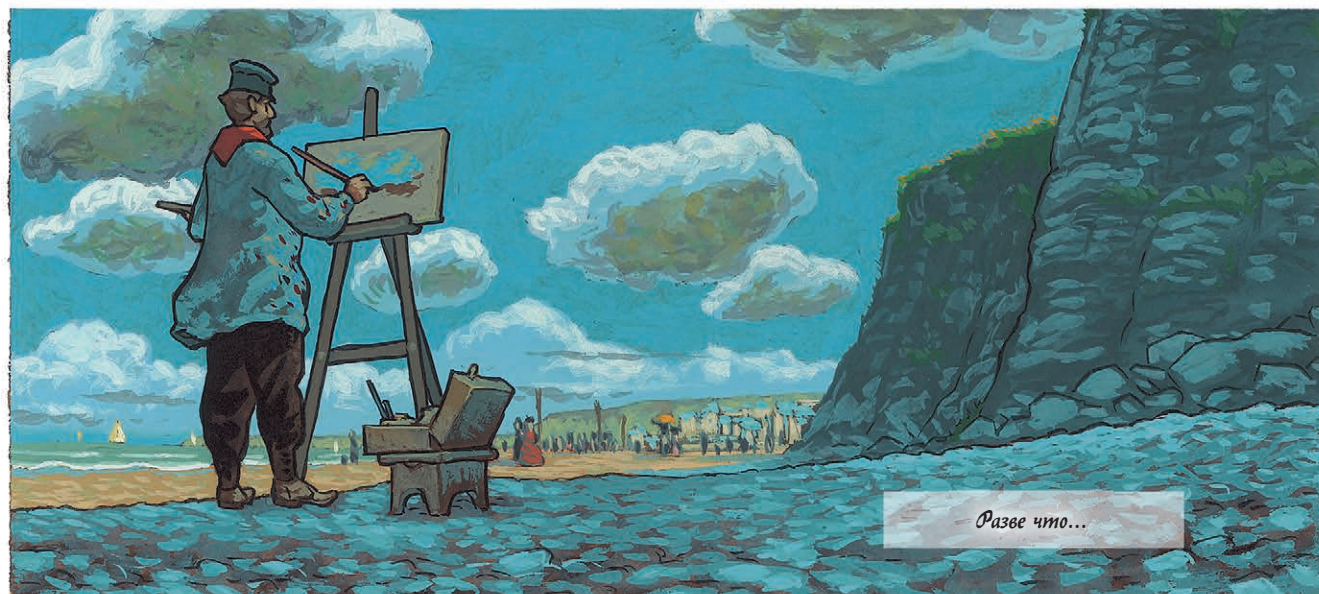
Завр. 1857

Не ждите, я вас догоню!

Икола была последним местом, где мне хотелось находиться.

Казалось, ничто не способно вернуть меня к жизни.

Разве что...

Пока я рисовал,
дни заточения не казались
такими долгими.

Уже тогда я не выносил никакой
власти над собой.

И все-таки я должен был подчиняться.
Особенно в те долгие вечера, когда
помогал отцу в магазине.

Хватит
пачкать бумагу!
Иди проверь
счета!

К счастью, у меня было
занятие, которое
наполняло меня радостью
и гордостью.

Смотри!

Новый
рисунок!

Ха-ха-ха!

Это Меодор!

Вон там
Жюль Дидье!

Ха-ха-ха!

А «Фурус
Крутинелли», должно
быть, Анри Кассинелли!

Двадцать франков
за карикатуру. Если бы я тогда
не остановился, то, наверное,
был бы уже миллионером!

Однако что-то
не давало мне покоя.

Было ли дело в выборе цветов
или технике, но я ненавидел картины
Эжен-Луи Будена.

А, вот и наш подающий
надежды художник!
Я уже давно хотел
вас познакомиться!

Именно по этой
причине нам
и суждено было
встретиться.

Чтобы доказать твердость моего намерения, я перестал ходить в школу и полностью посвятил себя живописи.

Вам нужно в Париж.
Вы не сможете заново изобрести искусство, сидя в одиночестве в глуши.

Я запрещаю тебе уезжать!
Разговор окончен. Твое место
в магазине.

Отцу, нет! Я хочу поехать
в Париж, чтобы стать
художником.

Эти идиоты забили
тебе голову всякими
глупостями!

Йонгкинд*, друг Будена и кумир
Бодлера, поддержал мое решение
переехать в Париж.

Моя тетя Мари-Жан была художницей-
любительницей и тоже поддержала меня.
В конце концов отец сдался.

Теперь мне предстояло самое тяжелое —
проститься с наставником.

Без Будена
я не стал бы художником.

Свет всего мира звал меня к себе,
и Париж был лишь первым этапом
моего долгого путешествия.

* Ян Бартолд Йонгкинд — наставник Моне. Они по

в Алжире.

Меня ждал огромный город, купающийся в новом свете.

Сначала я посещал Академию Жюльона, располагавшуюся на набережной Орфевр, рядом с кабинетом недипломированного дантиста.

Затем отправился в Алжир на службу в рядах Первого полка африканских стрелков.

Париж, 1862

Париж, Академия Жюльона, улица Фю дю Бак, 94

Потом я присоединился к Академии Жюльона, известного своими «Утраченными иллюзиями». Название идеально подходило как самой картине, так и его мастерской.

Мне не нравилось там учиться, но это был единственный способ получить от отца и тетки деньги на проживание.

Тем не менее я обрел там некоторые знания. Что касается самого Жюльона...

Юноша, вы рисуете эти грубые ноги такими, какими видите их. Вам следует их приукрасить.

Но, месье, модель...

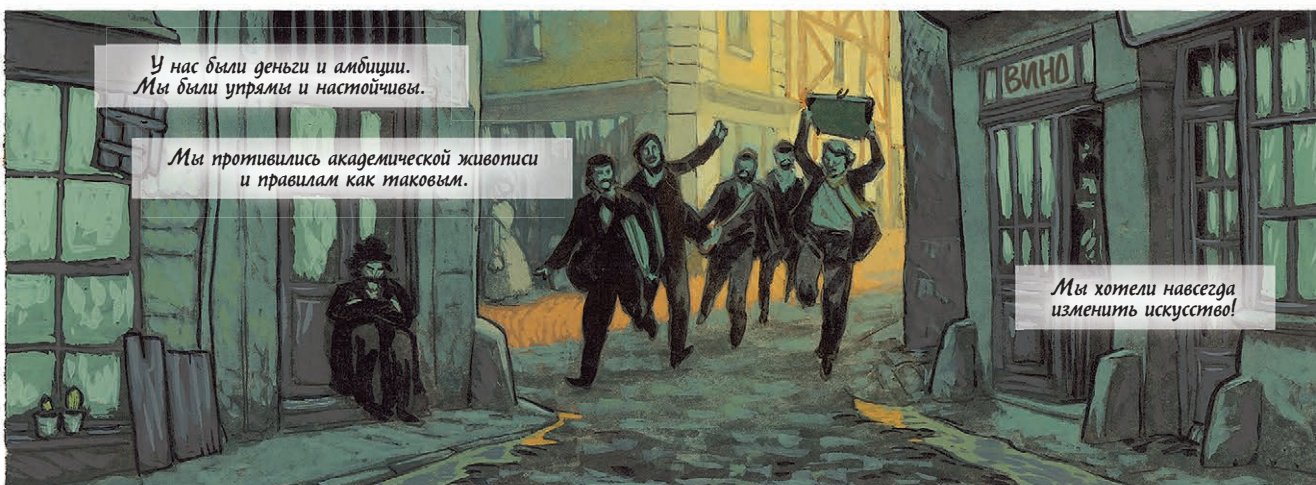
Модель здесь ни при чем. Главное — стиль. Вспомните античных авторов!

Я был в замешательстве. Природа — единственное, что волновало меня, — не имела в глазах этого человека никакого значения.

Остальные ученики разделяли мнение мастера.

Кроме разве что группы настоящих художников.

Для вас, безусловно, живопись — это развлечение?

Почитать описание и заказать
в МИФе

Смотреть книгу

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

Взрослые книги:

Проза:

Детские книги:

